

Вадим Баевский

Кулацкий подголосок и враг народа: двойной портрет

1

Научная биография Твардовского не написана и до сих пор не могла быть написана. Между тем Твардовский — классик советской литературы, русской литературы XX века, а 1960-е годы по праву должны быть названы десятилетием Твардовского, здесь он — ключевая фигура.

В 60-е годы Твардовский, как Атлант, держал на своих плечах всю нашу литературу. Ценою жизни втащил в литературу Солженицына, публиковал его, защищал от нападок. Самым энергичным образом поддерживал все четыре основных течения литературы 60-х годов: антисталинское, военную прозу, деревенскую прозу, городскую прозу. Противостоял засилью “секретарской” лжелитературы. Боролся против цензуры, которую назвал пережиточным органом нашей литературы. Были запрещены его собственные поэмы “Теркин на том свете” и “По праву памяти”, задушевные лирические стихотворения. Запрещались многочисленные материалы из каждого номера “Нового мира”. Иногда из-за этого выход очередных книжек журнала задерживался на месяцы. Твардовский говорил, что только во время войны, когда писал “Василия Теркина”, так же остро чувствовал, что делает дело, нужное всей стране, как в 60-е годы в “Новом мире”.

Слова “ценою жизни втащил в литературу Солженицына” заслуживают небольшого комментария. Ноябрь 1962 года, когда в 11-м номере “Нового мира” был напечатан “Один день Ивана Денисовича”, оказался переломным в судьбе Твардовского. У нас есть ценное свидетельство о той системе взглядов, в которой жил и действовал Твардовский в месяцы, когда готовилась публикация “Одного дня Ивана Денисовича”. В августе 1962 года он записал: “Нечего удивляться той мере мирового разочарования в идеологии и практике социализма и коммунизма, какая сейчас так глубока, если представить себе на минуту повод и причины этого разочарования. Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчетами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилья, огрубением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства и т. д. и т. п. И даже когда ему самому, этому строю, пришлось перед всем миром — сочувствующим и злорадствующим — признаться в том, что не все уж так хорошо, назвав все это “культом личности”, то во-первых, он хотел это представить как некий досадный эпизод на фоне общего и “крутого подъема”, а во-вторых, это признание и “меры” были того же, что и при культе, порядка”¹. Маленькая повесть Солженицына была особенно важна потому, что убедительно показала всю глубину безысходного кризиса “идеологии и практики социализма и коммунизма”.

Советский истеблишмент никогда не простил Твардовскому этой публикации. А он в качестве члена Комитета по Ленинским и Государственным премиям со всюю страстностью своей натуры и вопреки прямым указаниям высшего партийного руководства еще и добивался присуждения Солженицыну Ленинской премии².

Мне пришлось тогда случайно встретиться с несколькими личностями, принадлежавшими к советскому истеблишменту, и я был поражен тем, как неприкрыто они выражали свою смертельную ненависть к Твардовскому, намерение его уничтожить. Эта смертельная ненависть клекотала в них. По своей провинциальной наивности я думал, что автор “Василия Теркина”, которого народ принял в свое сердце, навсегда огражден от

чего-либо подобного. Но то народ, а то истеблишмент... Не подберу лучшего слова. Именно в эти дни, когда серо-голубая книжка журнала с повестью Солженицына неудержимо расходилась по Москве, по России, по Советскому Союзу, по всему миру, советский истеблишмент приговорил Твардовского к смертной казни. Приведение приговора в исполнение растянулось на восемь лет.

Твардовский, опубликовавший повесть Солженицына, вызвал у людей, отождествлявших себя со сталинским и послесталинским партийным и советским режимом, ярость б у льшую, чем сам Солженицын. Автор повести — открытый враг, отсидел свое в концлагере, чего от него и ждать? А Твардовский вроде бы свой, облаканный, осыпанный милостями — и вдруг живым укором всем приспособленцам открыто идет против господствующей системы, угрожая ее основам.

Восстановление исторической перспективы, создание научной биографии Твардовского — дело не одного года и не одного человека. Твардовский принадлежит всем. Жизнь Твардовского — неотъемлемая часть истории России. Твардовский — это великий поэт, чьим голосом в минуту подвига и горя говорил народ, это руководитель журнала, который в десятилетие лицемерия и обмана был народной совестью. Да, Твардовский был совестью нашей литературы. Рыцарем правды. Ради правды он положил свою жизнь.

Предлагаемая статья имеет целью представить в свете вновь добытых нами сведений комментариев к ряду мест последней поэмы Твардовского, осветить несколько фрагментов научной биографии Твардовского и подвести некоторый итог исследованиям и публикациям последних лет о положении Твардовского на Смоленщине в 1925—1937 годах и в Москве в 50—60-е годы. Используются материалы архивов Центра хранения современной документации (Москва), Управления ФСБ по Смоленской области, Государственного архива Смоленской области, архива семьи А. Т. Твардовского, личных архивов А. В. Македонова и автора настоящей статьи, учтены доступные нам публикации. В отдельных случаях используются также устные сообщения А. В. Македонова, Е. А. Рыленковой и других свидетелей и участников литературной жизни — современников Твардовского.

О последнем типе источников необходимо сказать несколько слов особо. На одном из наших семинаров один из докладчиков специально подчеркнул, что пользуется только архивными и опубликованными письменными источниками и что это придает особую надежность его исследованиям. Мы бы не стали резко разграничивать письменные и устные источники. Во время дружеского застолья один из собеседников что-то важное рассказал, другой, придя домой, записал этот рассказ в дневник, через несколько десятилетий дневник попал в РГАЛИ, еще спустя некоторое время исследователь обратился к этому дневнику, извлек из него ту самую запись и опубликовал как письменный архивный источник... Между тем авторитетность этой записи не выше, чем авторитетность устного сообщения, которое она отражает. То же следует сказать об интервью, мемуарах, письмах. С другой стороны, каждому историку социально-политической жизни XX века и историку литературы то и дело приходится убеждаться в лживости документов, имеющих вверху гриф официального учреждения, а внизу печать, а также материалов, опубликованных в журналах и газетах. Если верить газетам и документам с грифом и печатью, то один из героев настоящего очерка был сын кулака и кулацкий подголосок, а другой — враг народа.

Мы полагаем, что любой источник, письменный и устный, может и должен быть принят историком во внимание, подвергнут непредвзятой критике, главным образом в форме сопоставления с другими источниками, и после этого использован определенным образом или нет в исследовании.

В этой статье я ссылаюсь, в частности, на мемуарный очерк Евгении Антоновны Рыленковой, вдовы поэта Н. И. Рыленкова. Е. А. Рыленкова — единственный сейчас человек, кроме братьев Твардовского, который знал его с ранней молодости, говорил ему

всю жизнь “Саша” и был с ним на “ты”. Ее рассказы о литературной жизни прошлого времени всегда колоритны и насыщены достоверными подробностями. Я уговорил ее записать свои воспоминания и опубликовал их³. Можно ли сказать, что здесь письменный текст более или менее достоверен, чем устные воспоминания? Я широко использую мои дневниковые записи, запечатлевшие реплики Македонова и его рассказы во время наших бесед. Также использую его письма (у меня хранится их 136). Часто это послания на восьми—десяти страницах, покрытых совершенно нечитаемыми строчками. “Твой трагический почерк”, — написал ему однажды Твардовский. Только некоторый опыт архивных занятий, связанных с необходимостью разбирать черновые рукописи, помог мне в течение нескольких дней расшифровать такой текст. К счастью, значительную часть писем перепечатывала по поручению Македонова машинистка; в таком случае обычный их объем — четыре страницы через полтора интервала. Как определить достоверность этих источников иначе, чем принятой источниковедами строгой критикой текстов? Несмотря на то что письма Македонова создавались спонтанно, его эпистолярный стиль отличается высокими литературными достоинствами.

2

Здесь будут рассмотрены преимущественно те эпизоды и стороны творческой биографии Твардовского, которые связаны с личностью и судьбой Македонова.

Казалось бы, Твардовский, такая огромная личность. Кто может стать рядом с ним? Как можно рядом с его именем ставить еще чье-то имя?

Оказывается, можно.

В автобиографических записях А. Т. Твардовского под 1928 годом значится: “Македонов, дружба”⁴. Македонову 19 лет, Твардовскому 18. Македонов свидетельствует: “Полушутя он называл меня тогда своим университетом”⁵. По утрам Твардовский любил приходить к Македонову. Еще до того, как он появлялся в комнате, раздавался стук в окно и звучал его неслабый голос:

— Сократ дома?

Невысокий, курносый, некрасивый, диспластичный, с большим лбом и выразительными чертами лица, Македонов действительно напоминал внешностью древнегреческого философа. Но емкое прозвище вбирает в себя и многое другое: пронизательный ум, пристрастие к спорам на отвлеченные темы, философские интересы, сопровождавшие Македонова на протяжении всей жизни, органически присущие его сознанию диалогизм, ориентированность на другого — на собеседника или объект мысли.

Адриан Владимирович Македонов — друг Твардовского на протяжении всей его жизни, литературный критик, первым распознавший его поэтический дар. В 1934 году, когда Твардовскому было всего 23 года, Македонов сказал о нем в докладе на съезде писателей Западной области, что это — “наиболее оригинальный, наиболее самостоятельно работающий из поэтов нашей области”⁶. А Западная область тогда объединяла огромную территорию трех современных областей. Македонову самому тогда было 24 года. Готов сопоставить эту ситуацию со статьей Белинского “О русской повести и повестях г. Гоголя”, в которой 24-летний критик поставил 26-летнего писателя на первое место в русской литературе. При живом Пушкине. Пусть это сравнение не покажется натянутым. В 1934 году слова Македонова о Твардовском вызвали ожесточенные, злобные протесты К. Л. Зелинского и В. Е. Горбатенкова.

Жизнь Македонова пролегла через весь XX век (родился в первом десятилетии, в 1909-м, умер в последнем десятилетии, в 1994-м). Он был узником ГУЛАГа и стал доктором геолого-минералогических наук. По странному, но не лишнему смыслу совпадению, в геологии, как и в области истории и теории литературы, Македонов стал автором пяти прижизненных книг и примерно двухсот статей. Он исследовал циклы, комплексы пород и угольные пласты, с помощью корреляционного анализа установил соотношение между ними. Разработанный им метод обнаружения угленосных формаций

“с успехом применялся в Печорском, Донецком, Кузнецком, Карагандинском и других бассейнах”⁷.

В своей последней поэме Твардовский вернул, оживил их общую молодость, безоблачные надежды, порыв в будущее:

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.
Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт,
Кидая наше захоlustье
В обмен на целый белый свет.

.....
И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на п о т о м.

В числе этих даров было главное: оба вполне реализовали свое призвание. Но было и иное: война, потом ожесточенная общественная борьба во главе лучшего русского журнала для одного, арест и концлагерь для другого...

Специального внимания заслуживает первый из процитированных стихов. На редкость независимый Твардовский так оценил свои отношения с Македоновым: “...как поэт, во многом обязан ему своим творческим развитием” (А. В. М а к е- д о н о в, Эпохи Твардовского, с. 349). По-разному он повторял эту мысль неоднократно. Со многими явлениями русской и мировой поэзии Твардовского знакомил именно Македонов вот в таких непринужденных и таких важных беседах. Когда в конце 1927 года Македонов вступал в РАПП, в анкете следовало указать любимого поэта. “Мандельштам”, — написал он. Это был вызов. Для начинавшего литератора в Смоленске тогда выбора не существовало: РАПП была единственной массовой литературной организацией.

— Ничего, нам и такие нужны, — сказал В. Ермилов, один из руководителей РАПП, и Македонов был принят. Близкий к Твардовскому и Македонову на рубеже 20—30-х годов смоленский поэт В. Муравьев (о нем скажем ниже) свидетельствовал, что Македонов знакомил его и Твардовского с поэзией Пастернака.

В 18 лет Македонов вошел в литературную жизнь Смоленска, начал печататься в здешних журналах и газетах, познакомился с местными литераторами, а с некоторыми сблизился на всю жизнь. В 1934 году он был избран на Всесоюзный съезд советских писателей в числе четырех делегатов от огромной Западной области. Было ему 25 лет, и он оказался одним из самых молодых на съезде. С этих пор он — единственный среди смоленских критиков — стал много печататься в московских журналах “Литературный критик” (больше всего), “Литературное обозрение”, “Литературная учеба”, “Красная новь”, “Знамя”. Его темы — творчество Пушкина, Белинского, Гоголя, Чернышевского, Добролюбова, значительного числа советских писателей, Пруста, Селина, Барбюса. Постоянное место среди его публикаций занимала смоленская литературная жизнь⁸⁻⁹. Многие вопросы он рассматривал с точки зрения эстетической проблематики, писал об особенностях романтизма и реализма. Центральными в его деятельности были циклы статей 1935—1937 годов о Пушкине и Белинском. Конечно, он выступал с марксистских позиций и подчеркивал это, однако решительно полемизировал с носителями вульгарного социологизма Динамовым, будущим исследователем литературных цитат Ленина Б. С. Мейлахом и будущим столпом официозного советского литературоведения М. Б. Храпченко.

Македонов окончил Показательную школу при Смоленском университете (1925), педагогический техникум (1927), отделение языка и литературы педагогического факультета Смоленского университета (1930). Затем Македонов получил военное образование: в 1932—1933 годах он служил в Красной Армии в 1-м смоленском артиллерийском полку и получил звание командира взвода.

В 1936 году он окончил при Смоленском педагогическом институте аспирантуру по специальности “русская литература”; здесь его руководителем был хорошо известный всем, кто серьезно занимается XIX веком, московский исследователь русской литературы XIX века профессор А. Г. Цейтлин. На рубеже мая-июня рокового 1937-го в Московском педагогическом институте им. Ленина была назначена защита. Обстоятельства незащиты Македоновым диссертации “Проблема героя в эстетике Белинского” заслуживают того, чтобы о них рассказать. Лучше всего словами самого Македонова из его письма ко мне от 13 мая 1985 года: столько в нем неожиданных, гротескных подробностей страшного времени.

“Уже было открыто заседание, представлены отзывы, более чем положительные (один из оппонентов писал, что моя кандидатская — это уже вполне докторская), собралось довольно много людей, так как уже были опубликованы циклы статей о Пушкине и Белинском, некоторые из них были включены в список рекомендуемых пособий для вузов. Пришел на защиту и молодой Твардовский. И вот секретарша по фамилии Звирбул (такая странная, но чем-то многозначительная фамилия) вдруг объявила собравшимся, что защита откладывается, так как диссертант отказался подписать предложенную ею якобы точную выборку из моей анкеты. В выборке этой были допущены явные передержки, и, по-видимому, из Смоленска уже поступил какой-то донос о том, что диссертанта прорабатывают и т. д. А вскоре в августе меня арестовали. Таким образом диссертация не была оформлена.

После реабилитации я посетил этот институт. Звирбул была еще жива! И, кажется, в той же должности. Но диссертация моя исчезла, документация тоже, все оформление нужно было начинать сначала. А еще раньше А. Г. Цейтлин, мой научный руководитель по смоленской аспирантуре, говорил мне, что диссертация ходила по каким-то рукам в Москве. В известной монографии NN (в оригинале письма фамилия указана. — В. Б.) я обнаружил следы ее чтения, хотя, к сожалению, с некоторой вульгаризацией и, конечно, без ссылок, что сам NN впоследствии стыдливо объяснил мне обстановкой того времени. Так я и не стал возвращаться к диссертации, хотя ее объем — больше 30 печ. листов и хотя ее копия удивительным и даже романтическим образом сохранена моей бабушкой: была зарыта в землю недалеко от Смоленска, перележала там весь период оккупации, затем была отрыта и возвращена мне и сейчас, весьма пожелтелая, занимает место на одной из полок моего архива”.

Македонов однажды написал мне, а при встрече вспомнил в беседе об этой своей бабушке со стороны матери Маргарите Николаевне Македоновой. Она родилась в 1859 году. Когда началась Великая Отечественная, ей было не по силам эвакуироваться. Жена Македонова отвезла ее в деревню Русилово под Смоленском и “оставила там ценные вещи у местной женщины, которая обещала о ней заботиться и сохранить мою диссертацию об эстетике Белинского; диссертация была закопана в землю” (письмо Македонова ко мне от 9.7.1988). Маргарита Николаевна умерла в 1944 году, а в конце 80-х Македонов с дочерью поставили в Русилове ей памятник.

В одно из посещений мною Македонова монументальная машинопись диссертации была мне продемонстрирована и я даже подержал ее в руках, полистал.

Есть воспоминания Ф. Гаврикова, который одновременно с Твардовским учился в Смоленском педагогическом институте. Он рассказывает, что студент Твардовский принадлежал к ближайшему окружению аспиранта Македонова и внимательно прислушивался к каждому его слову. Однажды Македонов обратился к фольклористу профессору Соболеву с просьбой повысить оценку Твардовскому, который получил на

экзамене “удовлетворительно”. “Как к самому близкому человеку шел студент Твардовский к аспиранту Македонову со всеми недоуменными вопросами и всегда уходил от него, обогащенный новыми знаниями”¹⁰.

21 августа 1937 года в Смоленске, у Македонова дома, состоялась последняя перед его арестом встреча с Твардовским. Сразу же после ухода Твардовского он был арестован. К этому времени Твардовский уже год как перебрался в Москву, но лето он проводил в Смоленске и под Смоленском. Мне приходилось слышать от старожилов, что об аресте Македонова предупредил Твардовского Е. М. Марьенков — писатель, один из первых друзей Твардовского, один из тех людей, дружеские отношения с которыми поэт сохранил до конца жизни. Узнав об аресте Македонова, Твардовский тотчас уехал в Москву. Сразу же после его отъезда, 22 августа, за ним пришли. Управление НКВД по Западной области опоздало на несколько часов.

Македонов был последовательным защитником Твардовского. Опровергал политические наветы врагов в устной полемике и в печати. Не поколебался ради этого поставить на карту три жизни: свою, своей жены и своей матери. Он мне написал: “В моем деле при допросе главным пунктом была защита кулацкого поэта Твардовского и его якобы кулацких строчек в “Стране Муравии”, не пропущенных тогда цензурой: “Ох, не били, не вязали,/Не пытали, не пытали,/Ох, везли, везли возами,/С детьми и печниками” и т. д.”.

После ареста Македонова была арестована его мать. Македонов мне говорил и писал, что причиной ее ареста и гибели стали демонстративные заявления о невиновности сына и попытки облегчить его участь. Она преподавала в техникуме английский язык и каждое занятие начинала с того, что возмущенно говорила об аресте ни в чем не повинного сына. С требованиями о его освобождении она обращалась в различные инстанции. До Македонова после его освобождения дошел через третье лицо рассказ одного из тюремщиков о том, что в действительности его мать застрелил во время допроса следователь, когда она, не выдержав оскорблений и попыток заставить ее давать ложные показания, бросила в него чернильницу (письмо ко мне от 5.7.1988)¹¹.

Благодаря хлопотам жены, Твардовского и Исаковского Македонову был вынесен мягкий по тому времени приговор: восемь лет лагерей. В действительности он провел в концлагере в Воркуте восемь с половиной лет, до 29 мая 1946 года. И после приговора Твардовский и Исаковский несколько раз пытались добиться улучшения судьбы Македонова. Он был уверен, что если бы не началась война, в конце концов это им удалось бы. 6 апреля 1939 года они писали, обращаясь к прокурору Смоленской области: “Мы просим Вас, товарищ прокурор, назначить дело А. В. Македонова на пересмотр и лично ознакомиться с ним, так как речь идет о ярко одаренном человеке, который, по нашему внутреннему убеждению, по тому, что мы знаем о нем, явился, быть может, жертвой невнимательного следствия или злобной клеветы”¹².

Свое образование Македонов продолжил во время ссылки. В Воркуте он сперва был на общих работах, затем занимал должность технолога комбината “Воркутуголь”. Воркута принадлежала к Коми АССР. В 1930 году после семилетних изысканий там было открыто угольное месторождение, в 1932 году Ухто-Печорский трест заложил разведочную шахту. С самого начала разработка угля велась посредством рабского труда: Воркутинский рудник входил в состав Ухтпечлага. В 1938 году, когда началась лагерная жизнь Македонова, в Воркутском лагере содержался 15 141 заключенный. В 1943-м, когда лагерный срок Македонова перевалил далеко за половину, рабочий поселок Воркута стал городом республиканского подчинения. Городом своеобразным: основное население пребывало в зонах за колючей проволокой. В каждой зоне было 15—20 бараков, в каждом бараке содержалось 100—200 заключенных. Македонов был одним из 17 915 человек, которые в это время содержались в городе Воркуте; население всего Воркутлага составляло 27 647 человек. В 1945 году, к тому времени, как лагерный срок Македонова подошел к концу, количество заключенных Воркутлага возросло до 60 000¹³.

После освобождения Македонов остался в Воркуте, и это спасло его от намечавшегося повторного ареста; к нему приехала жена, он работал геологом научно-исследовательского отдела, сдал экзамены сперва на технолога-геолога, затем на инженера-геолога. В 1950 году он с отличием закончил географический факультет Саратовского университета, а в 1954-м в Москве защитил диссертацию и получил степень кандидата геолого-минералогических наук. Его научным руководителем был крупнейший ученый в этой области академик Н. М. Страхов. В 1965 году Македонов защитил еще одну диссертацию и стал доктором геолого-минералогических наук. С 1960 года он жил в Ленинграде и работал сперва старшим научным сотрудником лаборатории угля АН СССР, затем — старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ).

3

Однако связей со Смоленском Македонов не порывал. Еще в Воркуте он написал книгу “Очерки советской поэзии”; она вышла в Смоленске в 1960 году. Здесь сформулировано представление о смоленской поэтической школе. По мнению Македонова, она возникла в конце 1920-х годов и просуществовала как вполне определенное самостоятельное явление до начала Великой Отечественной, после чего растворилась в советской поэзии, передав ей некоторые свои специфические особенности.

Старший современник поэтов смоленской школы Есенин постоянно подчеркивал двойственность своего отношения к социальному переустройству пореволюционной деревни:

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

В отличие от Есенина поэты смоленской школы безоговорочно приняли план и практику колхозного строительства и поддерживали его своими стихами и всей своей деятельностью. В то же время у нас есть сведения о довольно широком круге интересов молодых авторов в области поэзии, об их порывах к усвоению мировой и русской поэтической культуры. На литературных вечерах, во время встреч в Доме искусств, в дружеских сходках дома А. Гитович увлеченно читал Гумилева, Киплинга, “Стихи о поэте и романтике” Багрицкого. Македонов читал и толковал Пастернака и Мандельштама. Друг Твардовского В. Муравьев переводил на русский язык Киплинга.

Центром смоленской поэтической школы был Исаковский, самым большим поэтом стал Твардовский, еще одна крупная в масштабах школы фигура — Н. Рыленков. Назвал Македонов и другие имена. Близки к смоленской поэтической школе, по мнению Македонова, и некоторые поэты, со Смоленщиной биографически не связанные, как, например, А. Яшин. Эти поэты приняли революцию, коллективизацию, изображали и утверждали то, что на официальном языке называлось социалистическими преобразованиями в деревне. Им были присущи поиски нового героя, синтез повествовательного, лирического и драматического родов, песенного и разговорного начал поэтической речи, совмещение в сюжете обыденного и героического. В то же время Гитович, родившийся и сделавший первые литературные шаги в Смоленске, со смоленской поэтической школой никак не связан, утверждал Македонов. Более опытные коллеги, в том числе Исаковский, твердо верили в его поэтический дар. Но Гитович избрал особый путь в поэзии и в жизни: его влекли романтические переживания, образы, дела. Он уехал в Ленинград, жил там, дружил с Ахматовой, участвовал в трех войнах, много путешествовал. Как поэт он принадлежит к совсем другой традиции, петербургско-ленинградской. И незадолго до смерти он написал (под москвичами явно подразумевая Исаковского и Твардовского):

Юность всяким превратностям рада,
Ей бы только менять города:
Кто-то выбрал гранит Ленинграда,
Кто-то стал москвичом навсегда.
Тридцать лет не бывал я в Смоленске,
Не видал — от греха своего —
Ни садов его в солнечном блеске,
Ни стены знаменитой его;
И закатов его, и рассветов,
Колыбелей его и могил...
И в Смоленскую школу поэтов
Македонов меня не включил.

По разным причинам гипотеза Македонова была встречена настороженно. Он сам мне рассказывал, что Твардовскому она не понравилась: Твардовский справедливо видел себя фигурой всесоюзного масштаба, поэтом оригинальным, ни на кого не похожим, гипотеза же Македонова, казалось ему, замыкает его в рамках этнографической, провинциальной литературы. Критики же тех первых послесталинских лет вообще не могли принять мысль о возможности каких-либо школ в монолитной поэзии социалистического реализма. Им это казалось такой же опасной ересью, как плюрализм идеологический.

Не задумываясь особенно над гипотезой Македонова, я просто не принимал ее во внимание. Книжку прочитал и поставил на полку, мысль его о смоленской поэтической школе помнил, но не оценил ее и не думал о ней. В 1972—1973 годах я кончал докторскую диссертацию о стихе русской советской лирики периода оттепели 1956—1965 годов¹⁴. Вся она выполнена на математической статистике. В тысяче стихотворений 20-ти поэтов было выделено 29 индексов, каждый из которых получал значение от 0.01 до 0.99. Индексы эти охватывали и стихотворную речь (особенности метрики, ритмики, строфической и рифменной организации, стихотворного синтаксиса), и тематику, и систему образов, включая образ времени и пространства каждого стихотворения и каждого поэта. Дальнейшее исследование велось с помощью некоторых методов корреляционного анализа. И вот, занимаясь своими расчетами, я вдруг стал замечать близость количественных значений индексов, представлявших тексты Твардовского, Исаковского, Рыленкова, Яшина. На шкалах рангового корреляционного анализа они обыкновенно стояли рядом.

Я понял, как прав был Македонов в своих наблюдениях и выводах о смоленской поэтической школе: если эти поэты близки между собой в конце своего творческого пути, когда они во многом все-таки разошлись, то тем более они образовали единство в начале, когда вступали на литературное поприще в постоянном личном и творческом общении, ориентируясь на одну и ту же поэтическую традицию.

В 1974 году у нас в Смоленске состоялась большая научная конференция, посвященная творчеству Твардовского, Исаковского и Рыленкова. Я подготовил доклад на основе тех данных, которые изложены выше, и прочитал его на секции стиховедения. Македонов его не слышал, но ему кто-то о нем рассказал. На следующий день во время перерыва он подошел ко мне, выразил желание познакомиться со мной и с моими результатами. Потом познакомились и наши жены. Так началась наша дружба.

После защиты диссертации я продолжил мое исследование. Мне хотелось уточнить изложенные в диссертации данные. Теперь с помощью корреляционного анализа и критерия знаков я более основательно изучил структуру историко-литературной ситуации в области поэзии периода оттепели (1956—1965 годы). Мне удалось установить, что поэзия этого десятилетия поляризовалась, поэты довольно отчетливо разделились на две группы. Одни использовали предельное разнообразие приемов, другие

сознательно ограничивали себя приемами традиционными. Разумеется, первые работали в русле авангарда начала века, а вторые искали новые способы применения традиционных форм. Так что и те и другие могли быть названы новаторами-традиционалистами, подобно тому как Тынянов, изучая литературный процесс пушкинского времени, выделил школу архаистов-новаторов. Однако или поиски нового, или художественные исследования поэтических традиций у каждого поэта преобладали. Правда, между этими полюсами выделилась еще одна группа, в равной мере ориентированная на поиск новых путей и на поэтическую традицию.

Ясно, что к новаторам по преимуществу статистические методы отнесли Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулину, Мартынова, Самойлова, Слуцкого. Традиционалистами оказались Твардовский, Исаковский, Рыленков, Яшин, Грибачев, Смеляков — смоленская поэтическая школа, по определению Македонова, и тяготевшие к ней авторы. Три поэта оказались в нейтральном положении: их творчество 1950—1960-х годов статистически значимо не коррелирует или почти не коррелирует ни с первой, ни со второй группой. Это Пастернак, Ахматова и Винокуров¹⁵.

За “Очерками советской поэзии” последовали другие книги Македонова. Двумя изданиями вышла монография о Заболоцком. Исследование “Творческий путь Твардовского: Дома и дороги” (М., 1981) стало одной из лучших книг о поэте. “Свершения и кануны” (Л., 1985) — единственная монография о поэтике русской лирики советского времени. Мало радости принес Македонову сборник статей “Поэзия народного подвига” (М., 1986): по требованию издательства “Современник” его состав был очищен от работ о Мандельштаме и ему подобных.

4

Македонов свидетельствует, что Твардовский обсуждал с ним и в самые последние годы своей жизни не только все новое, что он тогда писал, в том числе “По праву памяти”, но и свое и их общее прошлое (А. В. М а к е д о н о в, Эпохи Твардовского, с. 9). Свидетельством и примером таких обсуждений является следующее письмо Твардовского к Македонову, которое Адриан Владимирович подарил мне незадолго до смерти.

“Пахра, 29.IV.69.

Дорогой Адриан Владимирович!

А я-то думал, что такое: молчит Македонов, не отзывается даже на листы верстки № 1 со стихами, посланными тебе еще задолго до выхода журнала. По-видимому, ты их и не получал совсем. Отнесем это к несовершенствам органов связи, которыми всегда страдала наша страна.

В оценке напечатанных в № 1 стихов ты совершенно прав, там нечего распространяться. Только вот что: отрывок “На сеновале” — главка нынешнего (сданного в № 5 — безнадежно) “триптиха”, второй частью которого является главка “Сын за отца не отвечает” (совсем другая!) и третьей “О памяти”, тоже вышедшая из той, известной тебе “Главы”, которую ты, конечно, в архиве можешь сохранить, но вообще уже ее нужно забыть (этот текст Македонов действительно сохранил и перед смертью вместе с письмом Твардовского передал мне. — В. Б.). Кажется, завтра уже будет сверка, т. е. чистые листы верстки, правленные, и я ее пошлю тотчас. Мне очень интересно будет твое мнение об этой штуке, писавшейся долго (лет около 10 с перерывами, конечно, по году и по три) и трудно и, кажется, в конце концов отпустившей меня.

А покамест с праздником тебя и Раису Абрамовну. Будьте здоровы. Кажется, во второй половине мая или в конце приеду в Ленинград, — давно собирался.

Твой АТ”.

В архиве Македонова действительно сохранилась машинопись с авторской правкой ранней редакции этой поэмы, еще не утратившая связи с поэмой “За далью — даль”. Дата этой машинописи: 1963—1967. Рукой Македонова сделана надпись: “1-й вариант. Прислал А. Твардовский”. Он отметил все места, впоследствии переработанные поэтом, и

сделал несколько карандашных замечаний. Мне неизвестно, сообщил ли он их Твардовскому.

Замечание вызвали стихи:
В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали, —
Ответ — по-нынешнему — прост.

Македонов приписал: “Однако если ты написал в анкете, что ты сын иерусалимского раввина, то вряд ли тебе дадут командировку за границу”.

Да, он умел без оговорок,
Внезапно, как уж припечет,
Любой своих просчетов ворох
Перенести на чей-то счет; <...>

Слово *просчетов* Македонов подчеркнул, а на полях написал: “Не то слово”. Можно думать, что для определения сталинской политики последовательного закрепощения и истребления миллионов сограждан Македонов счел слово *просчетов* слишком слабым. В окончательной редакции поэмы оно осталось.

Нет, все, что стало или станет,
Нам не отринуть с плеч своих.
И Ленин нас судить не встанет, —
Он не был богом и в живых.

Слово *отринуть* Македонов подчеркнул, а на полях написал: “Слово отринуть подходит ли?” В окончательной редакции это слово устранено.

После смерти Твардовского Мария Илларионовна опубликовала его рабочие тетради¹⁶. Македонов откликнулся на эту публикацию замечательной аналитической статьей “Трагические рабочие тетради Твардовского”. Ему не удалось опубликовать ее в журналах, в которые он обращался, и он попросил меня помочь. Он умер, так и не увидев свою статью в печати. Я поместил ее в “Ученых записках” моей кафедры, и эта работа стала первой посмертной публикацией Македонова¹⁷.

5

Шестая историко-литературная монография Македонова “Эпохи Твардовского” вышла в свет после его смерти. Ее название должно пониматься двояко: это и эпохи творческой жизни Твардовского, и эпохи бытия страны, которые связаны с именем ее великого поэта. Словно бы о нем пророчески сказал Пастернак:

Он вырвется, курясь, из прорв
Судеб, расплющенных в лепеху,
И внуки скажут, как про торф:
Горит такого-то эпоха.

“Пересмотрел и откорректировал один экземпляр своей книги о молодом Твардовском, — написал мне Македонов 3 марта 1989 года, — книги о надеждах, иллюзиях и зернах истины, — но еще предстоит много возни”. К сожалению, этот экземпляр пропал в издательстве, которое одно время собиралось выпустить книгу в свет. Незадолго до смерти Македонов просил меня, чтобы я, когда его не станет, довел дело до конца, и передал мне материалы, относившиеся к этой книге. Когда после его смерти я пришел в издательство, мне показали шкаф, в котором когда-то лежала вместе с другими

подготовленными к печати и эта машинопись, и объяснили, что при реформировании и слиянии издательства с другим все содержимое этого шкафа без разбора было из него вывалено и сожжено. Шло к концу десятилетие перестройки. В этом издательстве перестройку восприняли по-своему.

В толстой папке, полученной мною от Македонова, оказался почти полный машинописный текст книги с несколькими пагинациями, отражающими разные редакции труда, и с несколькими слоями серьезной авторской правки. Уже через год книга вышла в свет (Смоленск, 1996). К тексту Македонова были присоединены монументальное исследование Н. Н. Илькевича “Дело” Македонова” и мой мемуарный очерк “Смоленский Сократ”.

Книга была встречена доброжелательными отзывами, среди которых хочу напомнить рецензии Л. Л. Горелик в “Вопросах литературы” и А. А. Забелина и М. Е. Стеклова в смоленских изданиях. Получил я и ряд эпистолярных откликов. Несколько строк из них позволю себе привести. Ю. Г. Буртин: “Это, конечно, и прекрасный венок на могилу Адриана Владимировича, и по-настоящему весомый вклад в “твардовсковедение”, и ценнейший документальный источник по истории страны. От души поздравляю” (17 апреля 1996 года). А. С. Кушнер: “Просмотрел (прочсть еще не успел) книгу, посвященную Адриану Владимировичу. Он был замечательным человеком, я помню его и, между прочим, благодарен ему за заступничество в 1985 году — в связи со статьей обо мне в ЦО “Правда”. Какие страшные документы! Что творилось!” (без даты; приблизительно конец марта 1996 года). В. А. Твардовская (ее письмо местами поднимается до поэтических высот): “Несколько дней ходила под впечатлением — почти шоком. А ведь многое было известно. Но после чтения этой книги о смоленских мыслителях и поэтах — как из кусочков мозаики — складывается уже что-то вроде цельной картины — пусть не совсем полной. Пока еще нет доступа (а м. б., и не скоро будет) к делу А. Т. в КГБ, которое, конечно же, там по всем приметам существовало (досье были заведены на всех новомирцев). Думается, в нем могли быть ответы и на многие вопросы, возникшие при чтении Вашей книги. Вы сделали огромное дело — Вы выпустили книгу не просто о А. В. Македонове, наполненную интересными и ранее неизвестными сведениями об А. Т. Как историк считаю, что это первоклассный материал о жизни смоленской интеллигенции 30-х гг., позволяющий многое понять в ее настрое, идейных и духовных устремлениях, быте, политической позиции и т. д.

Судьба отца в свете этих материалов столь же таинственна, сколь непритязательно проста. Чувствуется не просто рок — но и чье-то вмешательство (не обязательно в виде прямых указаний осуществленное)”.

6

Твардовский и Македонов оба рано женились и выбрали себе спутниц один раз и на всю жизнь. Выбрали жен необыкновенных, без преувеличения героических женщин. О таких женщинах, которые не переводятся и никогда не переведутся на Руси, — их требовательно формирует наша нелегкая жизнь, полная драматических поворотов, — написал Наум Коржавин:

...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони — все скачут и скачут.
А избы горят и горят.

Твардовским и любя его, не занимаюсь им сколько-нибудь регулярно, как Пушкиным, Пастернаком, Леонидом Семеновым, Самойловым, и даже упрекал меня в том, что я стою в стороне. Я оправдывался тем, что великое множество исследователей посвятило Твардовскому великое множество книг и статей; а он уверял меня, что тут непочатый край работы. Иногда мне казалось, что он не без лукавства вовлекает меня в свои размышления и труды о Твардовском, надеясь, что и я основательно займусь им. И только теперь, после смерти моего друга, я осознал его правоту и стал систематически обращаться к этой животрепещущей теме, так что в течение последнего десятилетия она стала для меня одной из основных.

В 1990, 1995 и 2000 годах кафедра истории и теории литературы Смоленского государственного педагогического университета, которой я руководил, провела три семинара (второй из них — международный), посвященных изучению жизни и творчества Твардовского в контексте мировой культуры. Наша работа по времени и направлению совпала с трудами М. И. Твардовской, А. В. Македонова, В. А. Твардовской и ряда других замечательных авторов. Всякий раз, когда я провожу научную встречу, я стремлюсь, чтобы это было не очередное мероприятие, а поворотный миг в росте той веточки науки, которой эта встреча посвящена. Чтобы встреча была связана с постановкой новых проблем, с введением в оборот новых источников, с открытием новых точек зрения на обсуждаемую область знаний, на жизнь. Я отнюдь не думаю, что значительные результаты непременно связаны с большим числом участников, с многодневными заседаниями, с параллельной работой нескольких секций, с толчеей в кулуарах. Скорее наоборот. Я вывел такой закон: научный результат научной встречи находится в обратной зависимости от количества участников.

Сотрудниками кафедры и ее единомышленниками в науке, среди которых в первую очередь необходимо назвать ведущего научного сотрудника Института мировой литературы им. Горького РАН А. Л. Гришунина, смоленского историка и литератора Н. Н. Илькевича, старшего научного сотрудника Института отечественной истории РАН В. А. Твардовскую, в научный обиход был введен целый пласт важных источников, неизвестных ранее, открыт ряд новых точек зрения на творческий путь Твардовского, на историю русской литературы XX века. Одновременно уяснялись личности и судьбы людей из окружения Твардовского, и прежде всего личность и судьба одного из его самых близких друзей — Македонова. Результаты исследований опубликованы в четырех книгах, а также в “Ученых записках” кафедры и журналах (приблизительно два десятка статей).

8

Одиннадцать лет творческой жизни на Смоленщине были периодом самостоятельного вхождения в жизнь, осознания Твардовским своего призвания поэта, мужания его высокого дара, формирования его личности. В это время ослабели, почти порвались его связи с семьей, из которой он вышел, и возникла его собственная семья. Это был период ненасытного поглощения знаний, напряженной работы по приобщению к мировой и русской культуре. Здесь начало дружб на всю жизнь (Исаковский, Македонов, Марьенков), начало гонений, смертельно опасных политических обвинений, гласных и тайных доносов, ожесточенной травли со стороны оголтелых демагогов, бездарных завистников, садистов, которые в 1937-м подвели его вплотную к аресту, а в 1971-м свели в могилу.

Отец гордился заметками и стихотворениями сына, которые с 1925 года стали появляться в газетах, но настойчиво требовал, чтобы Александр работал в кузнице и трудился в семейном хозяйстве наравне с другими. Александр мечтал откупиться: платить отцу по 15 рублей в месяц из более чем скудных гонораров за право заниматься литературной деятельностью¹⁹. “На что только я ни согласен, чтобы выйти из проклятого семейства, в котором природа заставила меня подняться”. Об отце: “Мне тяжело его видеть, невыносимо с ним разговаривать” (запись в дневнике от 5 апреля 1927 года).

Александр претит в отце авантюрная жилка, приятельство с сомнительными личностями, нечистыми на руку, легкость, с которой он с семьей пошел в колхоз и вышел из колхоза.

В. А. Твардовская в письме ко мне сообщает: “Отец вступил в комсомол в год смерти Ленина — 15 лет и был активистом сельской ячейки... Бабушка Мария Митрофановна рассказывала мне, что со вступлением в комсомол положение его в семье стало совсем невыносимо. Трифон Гордеевич отнесся к этому резко отрицательно. Отцу пришлось тогда уйти из дома. Несколько месяцев скитался, а вернувшись, смог прожить не так уж долго — 17 лет окончательно покинул семью и снова скитался”²⁰. Комментируя трудную проблему взаимоотношений А. Т. Твардовского с отцом, Македонов мне писал: “Такого рода расколы в семье были обычным и типичным явлением тех лет, и А. Т. был совершенно прав, отстаивая свое призвание; и можно понять его резкие фразы в дневнике, хотя они и тогда не исчерпывали всю его позицию по отношению к семье, что и я могу засвидетельствовать” (А. В. Македонов, Эпохи Твардовского, с. 197).

В 1927 году Твардовский был принят в САПП — смоленское ответвление РАПП, а в начале 1928 года переехал в Смоленск. Место в смоленской литературной среде пришлось завоевывать с трудом, уже весной 1930 года обсуждался вопрос об исключении Твардовского из САПП. На его защиту встали Македонов, Марьенков и некоторые другие литераторы, но они оказались в меньшинстве. 1 июня Твардовский из САПП был все-таки исключен, но временно, на шесть месяцев²¹.

Все это время Македонов поддерживал Твардовского и бесстрашно защищал его от многочисленных злобных нападок, носивших характер политических обвинений. Это хорошо видно по “Материалам к творческой биографии А. Т. Твардовского” Р. М. Романовой²². Враги Твардовского обрушивались и на Македонова. Яростную кампанию против обоих друзей вел поддержанный другими демагогами и завистниками В. Е. Горбатенков. В статье “Кулацкий подголосок. О стихах Твардовского” он доносил, например, что “Македонов замалчивает идеологические и художественные пороки творчества Твардовского”²³, и это далеко не единственное обвинение такого рода.

9

Хуторское хозяйство Т. Г. Твардовского, отца поэта, не представляло собой чего-то исключительного. “Хутора и отруба составляли в 1926 году почти 70% всех крестьянских хозяйств Смоленщины”²⁴. “Смоленщина являлась самой хуторской губернией... Это и использовали сталинисты, произвольно поставив знак равенства между понятиями хуторянин и кулак...”²⁵

19 марта 1931 года семью, из которой вышел А. Твардовский, “раскулачили”: отняли дом и хозяйство, а родителей и детей вывезли в качестве так называемых спецпереселенцев в северное Зауралье²⁶. Именно на весну 1931 года приходится один из самых грозных всплесков всей “коллективизации”²⁷. Депортация семьи Твардовских с точностью до одного дня совпадает с датой, назначенной для проведения этой кампании на всей Смоленщине²⁸. В нашу задачу не входит исследовать процесс “коллективизации” и “раскулачивания”, то есть разорения, а отчасти и физического уничтожения самых трудолюбивых и предприимчивых крестьян и закабаления под игом нового крепостного права остальных. Македонов, переживший эту трагедию вместе с Твардовским, писал мне, что тогда “сквозь все иллюзии и навязанные схемы просвечивала и реальность порыва миллионов людей к новому, высшему типу общества, к новому решению проблем... всего народа, просвечивала и суровая реальность уже выявившейся страшной сути сталинского обмана, лицемерия... Так бывает в истории со многими иллюзиями и верами” (А. В. Македонов, Эпохи Твардовского, с. 194).

Узнав о беде, постигшей родных, Твардовский добился приема у секретаря Западного обкома ВКП(б) И. П. Румянцева, однако смягчить судьбу близких ему не удалось²⁹. А потом самого Румянцева постигла страшная участь. Рано утром 17 июня 1937 года он был арестован, вслед за этим подвергнут допросам под пыткой, 29 октября того

же года осужден на высшую меру наказания и на следующий день расстрелян³⁰. С этого времени Твардовский стал особенно удобной мишенью для своих врагов. Например, в архиве ФСБ по Смоленской области есть такие показания, датированные 4 января 1938 года: “Твардовский А. Т. личный друг Македонова, по происхождению из кулаков, отец раскулачен, он блокировался с группой Македонова. Твардовский пользовался явным покровительством врага народа бывшего секретаря Запобкома ВКП(б) Румянцева. Твардовский ходатайствовал перед Румянцевым о возвращении своего отца из ссылки” (А. В. Македонов, Эпохи Твардовского, с. 301). И все-таки в мае 1936 года Твардовский сумел перевезти своих близких из ссылки в Смоленск³¹, здесь уступил им свою комнату, а сам с семьей опять, как до получения этой комнаты, стал скитаться по временным жилищам.

Для Твардовского незаживающей травмой была невозможность на протяжении пяти лет помочь близким, клеймо сына “кулака, административно-высланного из пределов Зап[адной] области”³², которое с этого времени он носил, и тот факт, что даже по бесчеловечным правилам, установленным самими властями, семья его отца и он сам подверглись гонениям незаконно, так как семья его отца не могла считаться кулацкой. 10 июня 1954 года, в совсем другую эпоху, Твардовский обратился к первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву с доверительным письмом. Он заявлял: “...семью свою кулацкой и себя сыном кулака я никогда не считал и не считаю, потому что основным признаком кулацкого двора, как известно, является применение наемного труда, а в хозяйстве моего отца, крестьянина-кузнеца, наемный труд не применялся”³³. Твардовский просил, чтобы в его учетной карточке члена КПСС, где значилось, что он сын кулака, запись о социальном положении родителей была изменена. Секретарь МГК КПСС Фурцева направила запрос в Смоленский обком партии. После обстоятельной проверки секретарь обкома Доронин ответил подробным письмом, вывод которого гласит: “Судя по материалам проверки, хозяйство Твардовского Т. Г. было не кулацким, а крепким середняцким хозяйством, удовлетворявшим личные потребности семьи”³⁴. Несмотря на это, бюро Краснопресненского РК КПСС без всякой мотивировки приняло решение Твардовскому “в просьбе об изменении записи в учетной карточке о социальном положении родителей после 1917 года отказать”, а Фурцева, также без всякой мотивировки, добавила, что “МГК КПСС считает, что вопрос решен правильно”³⁵. У них были свои правила. Твардовский был всячески прославляем официальной властью и в то же время едва ею терпим.

10

В 1932 году Твардовский поступил в Смоленский педагогический институт. С этого времени нападки его преследователей становятся особенно яростными. “Именно на студенческие годы приходится пик травли, которой подвергся отец”, — свидетельствует В. А. Твардовская³⁶. Некоторые подробности хорошо известны, мы их здесь не повторяем; обобщенную картину дает Е. А. Рыленкова: “С открытием Дома искусств я бывала на всех собраниях. И очень редко выступления там проходили без “битья” Саши, В. Муравьева, Коли”³⁷. Больше всех выпадало на долю Саши, а позднее Адриана Македонова. Среди выступлений в защиту Саши, весьма дельных и аргументированных, были выступления Марии Илларионовны, А. Македонова и его матери. Мне всегда нравились выступления мамы А. Македонова. Худенькая, ниже среднего роста, с татьянинской прической, интеллигентка с головы до пят, говорила спокойно, сдержанно, разбивала противников Саши умно и с долей иронии к их невежеству <...> Саша держался спокойно, выслушав все нападки, говорил: “Я постараюсь исправить, насколько смогу, но в основном я никогда не считал и не считаю себя противником коллективизации и смотрю объективно на все новое в деревне, но и старое не все было плохо”³⁸.

В. Муравьев, упомянутый Е. А. Рыленковой, — это Владимир Игнатьевич Муравьев (1911—1952), поэт, приятель Твардовского. В 1929 году они познакомились и сблизились. В это же время Муравьев сблизился с Македоновым. В 1934 году он

опубликовал в Смоленске статью в поддержку творчества Твардовского. В стихах он более или менее близко следовал за Есениным:

Одного только хочется мне,
Потому я сегодня не весел,
Умереть на родной стороне
Под напевы знакомых песен.

Есенинские темы, есенинский синтаксис, есенинский дольник. Сохранились также его переводы с английского (сонеты Шекспира, стихотворение Байрона) и с польского (Ю. Тувима).

Муравьев был арестован вскоре после Македонова — в середине сентября 1937-го. В 1945 году его лагерный срок кончился, после чего он работал школьным учителем в Тайшете Иркутской области. Там он в 1952 году и умер, не дожив до реабилитации, последовавшей в 1955-м. Биографический очерк о нем, насыщенный неизвестными прежде документами, и его сохранившиеся стихи опубликовал Н. Илькевич³⁹.

В 1934 году Твардовский “по собственному желанию” оставил Смоленский педагогический институт, в который поступил со значительным трудом. В. А. Твардовская пишет: “На решение повлияла прежде всего общая обстановка в Смоленске, где — как и повсюду — шла яростная борьба с “недобитым классовым врагом”, и А. Т. в силу уже социального происхождения (по анкете) был уготован стать жертвой. А уж его поэзия, где человеческое всегда преобладало над классовым, по-своему подтверждала его “чужеродность” для “пролетарской литературы”⁴⁰. Много позже, 22 марта 1964 года, Твардовский вернулся мыслями к своему уходу из Смоленского педагогического института и назвал еще одну причину этого решительного поступка. Переживая травлю и осуждение Бродского якобы за тунеядство, он вспоминает начало своего пути в поэзии, подвергает глубокому анализу свою жизнь, свои искания и настроения середины 30-х годов. Он записывает, что в молодости “длительный срок был таким “тунеядцем”, т. е. нигде не работал, мало, очень мало и случайно зарабатывал, и мучился тем, что “я не член союза” (профсоюза), и завидовал сверстникам (Осину, Плешкову, Фиксину) — членам союза и получавшим зарплату. Но я тянул и тянул эту стыдную и мучительную жизнь, как-то угадывая, что служба, работа в штате (ее, кстати, невозможно было получить) может подрубить все мои мечтания, и, в конце концов, выходит, что я был прав, идя на этот риск. А как я бросил с третьего курса Смол[енский] пединститут и за год “вольной жизни” написал “Страну Муравию”. Я никогда бы этого не сделал, не рискнув так решительно (много раз мне казалось, что ничего не выходит, бросить бы к черту, но бросать уже было нельзя, и так и дописал и “перешел в новое качество”)⁴¹.

Свора демагогов во главе с Горбатенковым готовила политическое “дело” против Македонова (который был объявлен организатором группы), писателей Твардовского, В. И. Муравьева, Е. М. Марьенкова, М. С. Завьялова, художника В. П. Власова, писателя и директора областного драматического театра И. Г. Мандрика (А. В. Македонов, Эпохи Твардовского, с. 224—311). В 1937 году предельно благоприятные условия созрели. Ежов определил план для Смоленска в 10 000 репрессированных. Бюро обкома ВКП(б) приняло “встречный план”: 12 000. В действительности и этот план был перевыполнен, репрессированных оказалось 15 000⁴². “Группа Македонова” попала в этот котел. Кроме Твардовского, все были арестованы между 3 августа и 11 декабря 1937 года и отбыли сроки в ГУЛАГе (Завьялов умер на этапе в 1938 году). На собрании Союза писателей Западной области 25 августа 1937 года Горбатенков призывал присмотреться к Твардовскому, которого Македонов брал под защиту, и требовал “в самый наикратчайший срок выяснить связи с врагом народа Македоновым Твардовского... Твардовский являлся самым близким другом Македонова, и даже на последнем собрании, где всеми выступлениями Македонов был единодушно охарактеризован как неразоружившийся

троцкист-авербаховец, он, Твардовский, выступил в защиту врага Македонова, объявил, что являлся и является его личным другом” (А. В. Македонов, Эпохи Твардовского, с. 271, 267). И после ареста Македонова и отъезда в Москву Твардовского их преследователи не уgomонились. “В Смоленске 13 сентября проходило объединенное собрание писателей совместно с литературным активом, на котором обсуждались решения Сталинского РК о работе Союза советских писателей Западной области и об исключении из рядов ВКП(б) литераторов Завьялова, Мандрика и Каца как проводников троцкистско-зиновьевских установок в литературе... а к их “пособникам” причислило Твардовского...”⁴³

Потом, после ареста Македонова, Твардовский открыто защищал “разоблаченного врага народа”, что в то время было смертельно опасно. В Москве его положение не было прочным. В “Литературной газете” за 10 сентября 1937 года была опубликована информация московского литератора И. Жиги, который в качестве представителя правления Союза писателей присутствовал в Смоленске на августовских писательских собраниях, под заглавием “Что было в смоленском отделении Союза писателей”. Он писал: “Македонов всячески раздувал “славу” поэта Твардовского... Следует снова оценить творчество Твардовского и с большевистской прямоотой указать ему его место в советской литературе”. В следующем номере, от 15 сентября, в заметке “У московских поэтов” сообщалось, что секция поэтов выбрала комиссию в составе Д. Алтаузена, А. Жарова и Г. Санникова, которой поручила в пятидневный срок “ознакомиться с выступлением Твардовского на собрании смоленских писателей в защиту агента троцкистско-авербаховской банды в литературе – Македонова”. Наконец, 5 октября 1937 года в небольшой статье “О поэте А. Твардовском” газета сообщила, что он был решительно осужден — к счастью, всего лишь московскими поэтами, а не НКВД. Македонов мне написал, что Твардовский уцелел “из-за того, что самому Сталину понравилась “Страна Муравия”. При этом он добавлял, что положение Твардовского, “несмотря на успех “Страны Муравии”, в писательской среде в Москве было еще неустойчивым, а в Смоленске продолжали действовать даже после стабильного успеха враждебные ему силы”.

В ответ на мой вопрос Македонов написал: “Как это ни странно, я не помню, чтобы на каком-либо писательском собрании в Смоленске Твардовский меня публично защищал. Может быть, это было на каком-то из собраний в мое отсутствие”.

Отметим слова Македонова о том, что на некоторых собраниях он не присутствовал. Как мы знаем, Твардовский тотчас после ареста Македонова из Смоленска уехал. Горбатенков 25 августа говорил, что Твардовский выступил в защиту Македонова “на последнем собрании”. Теперь мы знаем, что это произошло на собрании, длившемся три дня, 17, 18 и 19 августа 1937 года⁴⁴.

11

“Твардовский был в числе тех, кого Сталин решил сохранить и даже поощрить, и это на некоторое время подействовало на Твардовского. Как поэта его спас народный порыв в борьбе с фашизмом. Ответ — “Василий Теркин”. И затем он прошел через длительный кризис, из которого вышел силой своего таланта и правдивого чувства. Но об этом я уже писал.

Все же и в период своих иллюзий он сохранял порядочность и друзей не предавал <...> В дальнейшем наша дружба с Твардовским восстановилась уже после моей реабилитации. Но я никогда не обращался к нему за помощью, и в целом могу все же похвастать, что он был мне более обязан, чем я ему, ибо истоком ненависти Горбатенкова и К° ко мне была именно защита мной Твардовского и помощь Твардовскому роду. Но это было просто моим долгом, как критика и человека” (письмо Македонова к автору этой статьи от 12.11.1988).

12

Густая, вязкая клевета, окружавшая Твардовского в начале его творческого пути, в первой половине 30-х годов, может сравниться только с тем, как травили его в конце творческого пути, во второй половине 60-х, М. Алексеев, С. Викулов, С. Воронин, В. Закруткин, А. Иванов, С. Малашкин, А. Прокофьев, П. Проскурин, С. В. Смирнов, В. Чивилихин, Н. Шундик, В. Кожевников, А. Овчаренко и прочие поборники идеологической чистоты. Кто их сейчас помнит? (А. Иванов — однофамилец известного пародиста-сатирика, С. Смирнов — однофамилец замечательного публициста С. С. Смирнова). В августе 1968 года советские танки вошли в Прагу и задавили Пражскую весну — порыв Чехословакии к свободе и демократии. А. Первенцев на одном собрании сказал, что прежде чем вводить танки в Чехословакию, надо было ввести их в “Новый мир”⁴⁵.

Терзания, пережитые на Смоленщине в 1925—1937 годах, стали в некоторых отношениях определяющими для всего творчества Твардовского — от стихотворения 1933 года “Братья” до поэм “Теркин на том свете”, много лет бывшей под запретом, “За далью — даль” и последней поэмы “По праву памяти”, запрещенной цензурой в СССР и опубликованной в 1969 году во Франкфурте-на-Майне. Собственный трагический жизненный опыт поэта переплелся с трагедией народа, голосом которого стали его лирика, его поэмы, его “Новый мир”. Он писал и о своих близких, и о миллионах своих сограждан:

Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до вас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.
В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали, —
Ответ по-нынешнему прост.
Но в те года и пятилетки
Кому с графой не повезло, —
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.
Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить ее — закон таков.
Быть под рукой всегда — на случай
Нехватки классовых врагов.
.....
 (“По праву памяти”)

В последней поэме с неожиданной стороны возникает и старая тема отца-кулака, готовность ответить и за него:

Ответить — пусть не из науки,
Пусть не с того зайдя конца,
А только, может, вспомнить руки,
Какие были у отца.
В узлах из жил и сухожилий,
В мослах поскрюченных перстов —
Те, что — со вздохом — как чужие,
Садясь к столу, он клал на стол.
.....
Те руки, что своею волей —

Ни разогнуть, ни сжать в кулак:
Отдельных не было мозолей —
Сплошная.
Подлинно — к у л а к!
(“По праву памяти”)

Выше было сказано, что в 1931 году, узнав о том, что семья отца “раскулачена”, Твардовский добился приема у секретаря Западного обкома партии Румянцева. “Он мне сказал (я очень хорошо помню эти слова), — вспоминал Твардовский в 1954 году, — что в жизни бывают такие моменты, когда нужно выбирать “между папой и мамой с одной стороны, и революцией — с другой”, что “лес рубят — щепки летят”... И всю мою юность мне было привычно, хоть и горько носить на себе печать этого несчастья, считаться “сыном кулака”⁴⁶. Незадолго до смерти Твардовский снова вспомнил об этом ужасе:

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.
Забудь, откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов —
Любая прочая любовь.
Ясна задача, дело свято, —
С тем — к высшей цели — прямым.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.
(“По праву памяти”)

Так горький, неподъемно-тяжелый жизненный опыт поэта становился искусством слова и голосом народа. Он пролагал путь к решительному обновлению нашего общества, при котором клички кулака и врага народа потеряли бы всякий смысл, были бы невозможны.

13

Но я желал бы всей душою
В стихе таинственно-живом
Жить заодно с моей страной
Сердечной песни бытиём!
.....
Ей сроков нет, ей нет предела,
И если песнь пошла в народ
И песню молодость запела, —
Такая песня не умрет!

Ощущение единства поэта со своею страной, со своим народом, понимание песенной сущности стихотворной речи, ощущение стихотворения как песни, мысль о том, что одним из главных критериев подлинности поэтического творчества, его действительности является присвоение стихотворения-песни народом, — любимые мотивы Твардовского, повторенные им на разные лады в стихах и в статьях не раз и не два. Сам стих приведенного фрагмента — четырехстопный ямб с завершающими строфы восклицаниями, без резких нарушений метрико-синтаксического единства строк, с такими значащими для Твардовского словами и словосочетаниями — *Жить заодно с моей страной... Ей сроков нет, ей нет предела...*, да здесь можно повторить каждую строку —

и все-таки этот стих, эти строки принадлежат не Твардовскому. Это из стихотворения поэта, жившего за сто лет до Твардовского, аристократа по рождению, получившего блестящее образование в германских университетах, ближайшего предшественника русского модернизма — К. К. Случевского. Сегодня мы можем указать на эту бросающуюся в глаза близость, но не можем ее объяснить. Ясно только, что и предмодернизм, и поэзия Твардовского были значительно сложнее наших представлений о них. Великое таинство зарождения стиха нам еще познавать и познавать.

14

Относительно мало известна следующая новелла из не столь далекого литературного прошлого, в которой переплелись имена и судьбы Мандельштама, Ахматовой, Бродского, Н. Я. Мандельштам, Македонова и Твардовского. Я знаю об этом из рассказов Македонова, а в одном малоизвестном журнале есть публикация.

Стихи Мандельштама разделили участь их автора: они были репрессированы. В 1956 году пришла посмертная реабилитация к Мандельштаму. Но его стихи не были реабилитированы еще долго. Только в 1962 году “Библиотека поэта” решилась впервые после гибели поэта издать его книгу. Твардовский, состоявший в редколлегии серии, поддержал этот шаг. Он написал: “Для меня, конечно, нет вопроса: нужно ли издавать Осипа Мандельштама, безусловно нужно (и не только, может быть, в “Библиотеке”)... Все это для меня совершенно ясно, когда я имею в виду О. Мандельштама, которого знал по книге его, вышедшей где-то в конце двадцатых годов. Для меня, например, эта книжка хоть и не была каким-то “откровением”, как явления русской или западной поэзии иных масштабов, но должен сказать, что и она — часть той поэтической школы, которую я проходил в юности, и я отмечаю это с самой искренней признательностью”⁴⁷. Далее Твардовский называет ряд поздних стихотворений Мандельштама, которые не берется истолковать, настолько они для него темны. И ряд поздних стихотворений, которые растолковать может. И те и другие, по его мнению, необходимо включить в новую книгу, тщательно их прокомментировав. Не приводим обширных цитат из этого замечательного письма, поскольку публикация легкодоступна.

Македонов свидетельствует, что “Бунин, Мандельштам, Ходасевич играли большую роль в становлении Твардовского в эти решающие первые смоленские годы”. В стихотворении Твардовского “Думы о далеком” он разглядел черты поэтики Мандельштама — емкость деталей, переходы от близкого к далекому, от широкого предметного мира к самому себе, сочетание смелости ассоциаций с точностью деталей. В процессе подробного анализа он показал, как при создании стихотворения “Песня” Твардовский учился у Мандельштама сложной организации художественного времени — переслоению трех временных пластов (А. В. М а к е д о н о в, Эпохи Твардовского, с. 103—104, 129, 157).

Выше было рассказано, что когда в конце 1927 года Македонов вступал в РАПП и в анкете следовало назвать любимого поэта, он написал: “Мандельштам”. После ареста, лагеря, существования на поселении и реабилитации, переехав в Ленинград, Македонов на писательских собраниях несколько раз вступался за доброе имя Мандельштама, разъясняя значение замордованного, — Сталин вволю наигрался им, как кошка мышкой, — и полузабытого поэта. Хлебнувши репрессий сталинского времени, он особенно бережно, трепетно относился к судьбам писателей, сходным с его собственной, — к судьбам Заболоцкого, Шаламова, Мандельштама. Поэтому “Библиотека поэта” обратилась именно к нему с предложением написать вступительную статью. Материалов для такой работы тогда было мало, и чтобы пополнить лакуны, Македонов через Ахматову познакомился с Н. Я. Мандельштам. Знакомство перешло в многолетнее общение, а потом в настоящую дружбу. Письма Н. Я. Мандельштам начинаются “Дорогой Адриан Владимирович!” и “Милый Адриан Владимирович!”. “Очень вас целую и хочу получить от вас весточку”, — пишет Н. Я. Мандельштам 24 августа 1966 года⁴⁸.

Она снабдила Македонова необходимыми сведениями и материалами. Когда статья была готова, рецензенты В. Жирмунский и П. Громов дали о ней положительные отзывы. От издательского редактора поступило предложение статью вдвое сократить и внести в нее некоторые изменения. Именно в процессе доработки статьи и потом во время мытарств, через которые прошла книга (она вышла в свет только в 1973 году и со вступительной статьей не Македонова, а, наоборот, А. Л. Дымшица), у Македонова возникла с Н. Я. Мандельштам особенно систематическая переписка. 21 июня 1963 года Н. Я. Мандельштам пишет: “Теперь о вашей работе. Несомненно, это самое серьезное и глубокое из всего, что пока написано об О. М., включая, разумеется, и все, что пишут не у нас. У меня нет никаких возражений”.

Чтобы вполне оценить этот отзыв, следует вспомнить, как требовательно и ревниво относилась Н. Я. Мандельштам к посмертным оценкам своего мужа. Да и вообще ее отзывы о людях, как известно, бывали предельно субъективны и категоричны. Чего стоит характеристика Жирмунского в письме, цитируемом ниже. Но бывало и иначе. Об этом тоже ниже.

В свою очередь Македонов высоко оценил воспоминания Н. Я. Мандельштам: “Вдова великого поэта стала большим прозаиком”. Прекрасная лапидарная формула.

Незадолго до вынужденного ухода Твардовского из “Нового мира” Н. Я. Мандельштам обратилась к нему с предложением опубликовать ее воспоминания, но Твардовский ей объяснил, что судьба журнала висит на волоске и что сделать этого он никак не может.

Об отношении к Мандельштаму Твардовского Македонов написал: “Хотя он, конечно, все же не так высоко ценил Мандельштама, как я, но признавал, что и в его творческом пути Мандельштам сыграл в свое время большую роль, и он вспомнил, как в 1928 году со мной вместе читал и разбирал Мандельштама. Оговорив все же, что, по его мнению, я несколько преувеличиваю его значение”.

Приведу четыре отрывка из писем Н. Я. Мандельштам к Македонову. (Аббревиатура “А. А.” всюду обозначает Ахматову.)

“Голос, которым вы говорите об О. М., сразу показался нам с А. А. очень хорошим. И для нас интересно то, что это новое. Наши современники, если они живы, уже не говорят — они немые. И среди них было много эстетов — их мы не любим и боимся. То, что пришли другие люди и слои людей, которым понадобились стихи, это огромное счастье” (12 апреля 1963 года).

“Дорогой Адриан Владимирович! Спасибо вам за добрые письма... Вы пишете, что О. М. будет напечатан. Похоже. Но буду ли я к этому времени жива? Пока что книги нет 36 лет. Счастье, что все же не забыт... Сейчас я в плохом виде. Видно, нельзя вечно держаться. И я сдала внезапно и полностью. Убила меня история с Бродским. А. А. действительно высоко ставит его стихи. Мне они абсолютно чужды. Но он, по-моему, настоящий поэт... Начинает Б. очень своеобразно, но думаю, что ему выбьют зубы прежде, чем он найдет себя. А смог ли бы Блок печататься в “Юности”, живи он сейчас?” (25 февраля 1964 года).

Н. Я. Мандельштам умерла в конце 1980 года, так что книгу своего мужа в “Библиотеке поэта” она дождалась.

Необходимо подчеркнуть замечательную формулу: *Стихи Бродского мне абсолютно чужды, но он, по-моему, настоящий поэт.* Это сказала Н. Я. Мандельштам, которую столько раз упрекали в нетерпимости и субъективизме.

“Дорогой Адриан Владимирович! Постараюсь ответить на ваш вопрос. Рада, что вы не расстаетесь с О. М. ...Жирмунский мало понимает в стихах, но человек высокого качества. С О. М. учился в Тенишевском. С ним отношения хорошие. Очень хорошие. О. М. его очень ценил как филолога... Будете в Москве, заходите. Есть что показать. Я в Ленинград не могу — после смерти А. А. — нет на это сил. Привет Раисе Абрамовне. Надежда Мандельштам” (Лето 1966 года).

“Милый Адриан Владимирович! ...Почему вы думаете, что ничто не помешает изданию Мандельштама? Предлог всегда найдется” (1966 год).

15

Едва ли не столь же тернистым путем, как книга Мандельштама, прошла в “Библиотеке поэта” книга Твардовского. Кто бы мог подумать? Македонов тяжело переживал перипетии этого издания и сам принимал в этом деле горячее участие. Вот показательный фрагмент из его письма ко мне. Он рассказывает, что состав редколлегии обновлен и “полон хороших намерений; в частности, включил в план выпуска 1985 года издание Твардовского в Большой серии и надеется добиться включения в него “Теркина на том свете”. Как Вы знаете, предыдущий состав редколлегии небольшим большинством проголосовал против этого включения, а Мария Илларионовна правильно отказалась санкционировать издание избранного Твардовского без этой поэмы. Но, конечно, дело было не только в том составе редколлегии, и хотя новый состав обещает более разумное решение, имеются всякие указующие персты, которые могут все задержать. Предстоит некое преодоление глухой стены. Несмотря на то, что поэма эта вошла в два последних собрания сочинений Твардовского, а до этого уже публиковалась огромными тиражами! Выступавшие на обсуждении люди дружно говорили о необходимости скорейшего издания Твардовского, подразумевая — с этой поэмой” (16.11.1983).

Все препятствия, которых опасался Македонов, действительно встали на пути многострадального издания, и оно уже на заре перестройки было ампутировано.

У меня есть возможность привести свидетельство того, как страстно и, казалось бы, нерационально, волнуясь и спеша, захлебываясь и обуздывая себя, перехлестывая и вновь себя ограничивая, писал Македонов. Вот отрывок (весьма типичный) из его недатированного письма. На конверте даты штемпелей тоже не читаются. Поскольку речь идет о вступительной статье к изданию 1986 года, письмо можно предположительно датировать 1984—1985 годами.

“Последние дни у меня были целиком поглощены ликвидацией сверхзадолженностей, накопившихся за время моей болезни. Только на днях сдал наконец сокращенный до трех листов текст своей вступительной статьи к изданию Твардовского в “Библиотеке поэта”, о чем Вам писал. Вместо договорных 2,5 листов получилось все же 3 листа, но издательство как будто согласно на это небольшое увеличение. Статья потребовала от меня гораздо больше труда, чем я первоначально собирался в нее вкладывать, первый вариант разросся до 240 страниц, второй до 100 и только третий уложился в 67. Все это разрастание произошло за счет желания лучше разобраться в истоках Твардовского, судьбе семьи, с учетом новых материалов и т. п., и почти все это пришлось сократить с надеждой использовать в книге о раннем Твардовском, перспективы издания которой все еще остаются неопределенными.

А теперь предстоит еще иметь дело с обычными трудностями прохождения, преодоления всяких редакторских и прочих опасений и т. п. Дело это уже, к сожалению, привычное, хотя и порядком надоевшее. Ну да не укатают сивку крутые горки! Во всяком случае сивка довольна тем, что выполнила свое некоторое обязательство и по отношению к “Библиотеке поэта”, и — главное — по отношению к памяти А. Т.”.

16

“Новый мир” Твардовского осуществил последнюю в СССР попытку совместить свободу слова с коммунистической идеологией. Ее провал и гибель Твардовского избавили от иллюзий многих в СССР и во всем мире и подтолкнули к развалу всю коммунистическую систему.

Твардовский — истинно трагический герой нашей жизни и нашей литературы. В быту мы говорим: “Какая трагедия!” — если человек попал под машину. Высокая

эстетика видит трагедию там, где могучий герой, превосходящий всех окружающих по характеру, по уму, по таланту, гибнет под неотвратимыми ударами обстоятельств, еще более мощных, чем он. Трагедия не там, где враг убивает врага, а там, где свой убивает своего. Где Эдип убивает своего отца Лайя. Где Отелло убивает Дездемону. Где Твардовского убивает та идеология, которой он служил и от лица которой выступал. Где Твардовский боролся за социализм с человеческим лицом, а социализм обернулся к Твардовскому звериной мордой. Он получал Ленинские и Государственные премии, а цензура запрещала его поэмы, его лирику, его журнал. 1960-е годы начались смертью лауреата Нобелевской премии Пастернака, который до канцера был затравлен, как зверь в загоне, партийными функционерами и, пользуясь выражением Пушкина, сволочью нашей литературы. Твардовский называл их “бешеными” и “темными силами литературы”. В середине десятилетия партийными функционерами и темными силами литературы был признан тунеядцем и сослан будущий лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский; травля, через которую он прошел, предопределила его раннюю смерть. А кончилось десятилетие трагическим необъявленным делом “Нового мира” и его главного редактора Твардовского, которого забили, затравили до инсульта и канцера, до смерти партийные функционеры и темные силы литературы.

Русских поэтов бросали на растерзание чужеземной разъяренной толпе, убивали на дуэлях, вешали и расстреливали, ссылали и изгоняли из страны, гноили на каторге и в концлагерях, они слепли и замерзали, их морили голодной смертью, доводили до самоубийства — до петли и пули. Одной из самых изощренных форм расправы над поэтом было публичное шельмование, надругательство над главным делом его жизни, травля его с улюлюканьем и издевательствами, со сворой специально натасканных бешеных псов. Вслед за Ахматовой, Пастернаком, Бродским подобное поношение выпало на долю Твардовского и свело его в могилу, при его могучем здоровье, в шестьдесят лет. Борьба шла не за социалистические идеалы, не за национальную самобытность. Шла извечная смертельная борьба невежественных, завистливых бездарностей против великого творческого дара. Лжепатриоты, сделавшие из любви к родине профессию, истребляли главное достояние России — ее таланты.

Стоит только человеку подняться над серым средним уровнем, как невежественные, завистливые, циничные бездарности спешат пригнуть его к своему уровню или, еще лучше, вовсе его уничтожить. Стоит энергичному, волевому, одаренному человеку создать что-либо значительное, как те же силы спешат сровнять его создание с землей, заглушить, изгладить саму память о нем.

Твардовский сказал однажды, что писатели различаются не по западническому или почвенническому мировоззрению, не по приверженности тоталитаризму или демократии, а по тому, читали они “Капитанскую дочку” Пушкина или не читали.

Сам он мог цитировать пушкинскую повесть наизусть целыми кусками, любил читать ее дочерям вслух и говорил, что она — учебник мастерства. Полушутя советовал начинающим писателям страницами переписывать ее наизусть, вдумываясь в каждое слово, в их отбор и порядок (свидетельство В. А. Твардовской).

17

При всей разнице масштабов поля деятельности конец жизни Македонова чем-то напоминает конец жизни Твардовского. Македонов тоже весь отдавался общественной и литературной борьбе и тоже, — так же, как Твардовский, — подвергался гонениям со стороны темных сил. Когда в середине 80-х годов в политической и общественной жизни страны застой сменился брожением, в Македонове во весь голос заговорила кровь трех поколений русских интеллигентов. Невзирая на возраст и многократную занятость, он стал активно вмешиваться в ход событий, стремясь повлиять на них. Он воевал против цензуры, занимал последовательно и бескомпромиссно демократическую позицию в общественной жизни и выражал ее в устных и письменных выступлениях на писательских

собраниях и съездах, в газетах литераторов и в общей печати. И к его голосу прислушивались.

В 1987 году он разослал в несколько изданий статью “О советской поэтической классике, ее друзьях и противниках”. Это — призыв уничтожить цензуру не только как государственное ведомство, но и как систему произвольных запретов, исходящих из таинственных кабинетов, из неназываемых сфер. Здесь Македонов подробно говорит о трудной судьбе “Теркина на том свете”, который, четырежды опубликованный при жизни автора, не был включен в издание “Библиотеки поэта” 1986 года, потому что ни составителю — Марии Илларионовне Твардовской, ни комиссии по литературному наследию Твардовского, ни редакционной коллегии серии не удалось преодолеть сопротивление невидимок-сталинистов, “которые не решаются выступить открыто, но тем не менее действуют за спиной и читателей, и редакторов, и издательства, и всей литературной общественности... имеют возможность пакостить, задерживать выход к читателю одного из величайших образцов советской поэтической классики”⁴⁹.

Далее Македонов выдвигает требование опубликовать наконец последнюю поэму Твардовского “По праву памяти” и говорит о безобразном произволе таинственных, но могущественных сил, задерживающих и искажающих издания Пастернака и Мандельштама.

Когда выяснилось, что ни одно издание печатать это обращение не намерено (поразительный факт, показывающий актуальность этого выступления Македонова для 1987 года), автор размножил статью объемом в 13 страниц на машинке и разослал друзьям с просьбой ознакомиться и ознакомить с нею как можно более широкий круг людей. Тогда и я получил этот документ. Македонов сознательно формировал общественное мнение, и в том, что два года спустя была-таки отменена цензура, есть и его вклад.

За свою деятельность Македонову приходилось расплачиваться душевным покоем. Несколько раз он становился жертвой злобных несправедливых выпадов в печати, находил у себя в почтовом ящике анонимные письма с оскорблениями и угрозами. В мае 1994 года в Петербурге и в Смоленске скромно, но достойно было отпраздновано его восьмидесятипятiletие. В газетах появились юбилейные статьи, поздравления. А по почте он получал такие письма (одно из них переслала мне его дочь): “Грязная жидовская свинья уматывай скорее в свой поганый Израиль пока из твоей вонючей шкуры мы не изготовили замечательный абажур жидам не место в России место жидов в крематории. Русские”.

Несмотря на все испытания, которые выпали в XX веке на долю России и на его долю, Македонов постоянно называл себя “умеренным оптимистом”.

18

В 2000 году мы в свободной обстановке отметили юбилей Твардовского. Пусть не будет забыто, как прошло шестидесятилетие поэта — прижизненный юбилей за полтора года до его смерти. Алесь Адамович, прекрасный белорусско-русский писатель, друг Твардовского, записал в дневнике, что юбилей 1970 года “был почти закрытый (чтобы не сказать, подпольный)”. Писателей на него не пригласили и не пустили. А когда Адамович, Айтматов, Залыгин на юбилей прорвались, они не чувствовали себя зваными. “На том вечере Ф. Абрамов, когда увидел зал, пустой от писателей (и вообще полупустой), и когда понял, что слова не дадут никому, кроме званых, а мы проглотим, яростно прошептал: “Не пустили нас к А[лександр]у Т[рифоновичу], и правильно! Потому что мы говнюки”. Какой горькой иронией звучат эти два слова: “Яростно прошептал”! Не посмел вслух возмутиться. И Адамович продолжает: “Я не стану прятаться за Абрамова. Скажу от себя: да, говнюки, и сами это знаем”⁵⁰.

При жизни Твардовский был приемлем для властей и стоявших у трона палачей Свободы, Гения и Славы в самых узких пределах, обрубленный, втиснутый в прокрустово ложе социалистического реализма и марзматиической идеологии. Они ненавидели и без

колебаний отвергали Твардовского — сатирика, поэта-правдолюбца, непримиримого бесстрашного воина в постоянных сражениях против цензуры, за свободу творчества, Твардовского — журналиста, открывателя Солженицына, врага любого лицемерия, лжи. Они боялись его независимого характера. Они ему мстили, они его и убили. Те власти сгнули, но отрывки их идеологии дают себя знать. Проявляются они и в искажении личности Твардовского и смысла всей его деятельности. Пусть же навсегда останется в памяти России, всем нам служит вечным примером Твардовский во всем огромном масштабе его личности, а не Твардовский ампутированный, Твардовский, выкроенный по мерке его гонителей и убийц.

г. Смоленск

¹“Знамя”, 2000, № 7, с. 121.

²Т а м ж е, № 11, с. 161—165.

³“Русская филология. Ученые записки”, Смоленск, 1999.

⁴“Литературное наследство”, 1983, т. 93, с. 321.

⁵А. В. М а к е д о н о в, Эпохи Твардовского; В. С. Б а е в с к и й, Смоленский Сократ; Н. Н. И л ь к е в и ч, “Дело” Македонова, Смоленск, 1996, с. 181. Далее ссылки на эту книгу приводятся в тексте статьи: “А. В. М а к е д о н о в, Эпохи Твардовского” и страница.

⁶“Наступление” (Смоленск), 1934, № 5-6, с. 11.

⁷М. В. Г о л и ц ы н, Адриан Владимирович Македонов. — “Литология и полезные ископаемые”, 1999, № 1, с. 108.

⁸⁻⁹Э. Л. К о т о в а, Материалы для библиографии трудов А. В. Македонова. 1928—1937. — “Русская филология. Ученые записки”, Смоленск, 1997.

¹⁰Ф. Г а в р и к о в, В Смоленском педагогическом: Из воспоминаний об А. Твардовском. — “Сельская новь”, 16 декабря 1980 года.

¹¹Н. Н. И л ь к е в и ч, Мать писателя: Арест, расстрел и реабилитация Е. Л. Македоновой. — “Край Смоленский”, 1995, № 3-4.

¹²“Сельская новь”, 4 декабря 1992 года.

¹³Н. М о р о з о в, Воркута. — “Карта. Российский независимый исторический и правозащитный журнал” (Рязань), № 26-27, с. 78—79.

¹⁴В. С. Б а е в с к и й, Типология стиха русской лирической поэзии. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту, 1975.

¹⁵В. С. Б а е в с к и й, Стих и поэзия. — “Проблемы структурной лингвистики-1980”. М., 1982.

¹⁶“Знамя”, 1989, № 7—9.

¹⁷А. В. М а к е д о н о в, Трагические рабочие тетради Твардовского. — “Русская филология. Ученые записки”, СГПУ. Кафедра истории и теории литературы, Смоленск, 1994.

¹⁸В действительности это мысль Белинского; легко понять причину aberrации памяти Македонова: пророческое письмо Белинского от 6 апреля 1846 года, обращенное к Герцену и с его творчеством связанное, опубликовано Герценом в “Былом и думах”: “Если ты лет в десять напишешь три-четыре тома, поплотнее и порядочного размера, ты большое имя в нашей литературе и попадешь не только в историю русской литературы, но и в историю Карамзина. Ты можешь оказать сильное и благодетельное влияние на современность” (А. И. Г е р ц е н, Собр. соч. в 30-ти томах, т. XI, М., 1957, с. 524).

¹⁹А. Т. Т в а р д о в с к и й, На пути к “Стране Муравии”: Рабочие тетради поэта/Публ. М. И. Твардовской. — “Литературное наследство”, 1983, т. 93, с. 299. Следующие цитаты на с. 300 и 303—304.

- ²⁰В. С. Баевский, Р. М. Романова, Твардовский в Смоленском педагогическом. — “Вопросы литературы”, 1996, № 5, с. 380.
- ²¹Р. М. Романова, Материалы к творческой биографии А. Т. Твардовского. — “Литературное наследство”, т. 93, с. 406; “Несгоревшие письма”. Публикация М. Белкиной. — “Знамя”, 1997, № 10.
- ²²“Литературное наследство”, т. 93, с. 406—420.
- ²³“Большевицкий молодец”, 17 июля 1934 года.
- ²⁴Евгений К о д и н, “Смоленский архив” и американская советология, Смоленск, 1998, с. 227.
- ²⁵А. А. Забел и н, Картотека реабилитированных как источник для изучения репрессий на Смоленщине. — “Сталинизм в российской провинции: Смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков”, Смоленск, 1999, с. 49.
- ²⁶И. Т. Т в а р д о в с к и й, Родина и чужбина. Книга жизни, Смоленск, 1996, с. 67—73.
- ²⁷Евгений К о д и н, “Смоленский архив” и американская советология, с. 248.
- ²⁸М. Ф э й н с о д, Смоленск под властью Советов, Смоленск, 1995, с. 265.
- ²⁹“История советской политической цензуры. Документы и комментарии”, М., 1997, с. 109.
- ³⁰Р. М а н н и н г, Массовая операция против “кулаков и преступных элементов”: апогей Великой Чистки на Смоленщине. — “Сталинизм в российской провинции...”.
- ³¹И. Т. Т в а р д о в с к и й, Родина и чужбина, с. 131—132.
- ³²В. С. Баевский, Р. М. Романова, Твардовский в Смоленском педагогическом, с. 379.
- ³³“История советской политической цензуры”, с. 108.
- ³⁴Т а м ж е, с. 111.
- ³⁵“История советской политической цензуры”, с. 114—115.
- ³⁶В. С. Баевский, Р. М. Романова, Твардовский в Смоленском педагогическом, с. 382.
- ³⁷Поэт Н. И. Рыленков, муж Е. А. Рыленковой.
- ³⁸Е. А. Р ы л е н к о в а, Воспоминания о Н. Рыленкове и А. Твардовском. — “Русская филология. Ученые записки”, СГПУ. Кафедра истории и теории литературы, Смоленск, 1997, с. 243.
- ³⁹В. М у р а в ь е в, Пасынок судьбы, М., 1996. Приведенное нами четверостишие см. на с. 49.
- ⁴⁰В. С. Баевский, Р. М. Романова, Твардовский в Смоленском педагогическом, с. 382.
- ⁴¹“Знамя”, 2000, № 11, с. 154.
- ⁴²Евгений К о д и н, “Смоленский архив” и американская советология, с. 198.
- ⁴³Евгений К о д и н, “Смоленский архив” и американская советология, с. 198.
- ⁴⁴Р. М. Романова, “В дружбе есть святая проба...”. — “Русская филология. Ученые записки”, СГПУ, Кафедра истории и теории литературы, Смоленск, 2001, с. 30.
- ⁴⁵“Новый мир”, 1990, № 2, с. 206.
- ⁴⁶“История советской политической цензуры”, с. 109.
- ⁴⁷“Вопросы литературы”, 1983, № 10, с. 197.
- ⁴⁸“Всемирное слово”, 1992, № 2.
- ⁴⁹“Русская филология. Ученые записки”, Смоленск, 1997, с. 294—295.
- ⁵⁰“Вопросы литературы”, 1999, № 5, с. 297, 298